

ДОГОВОРЪ

XXIV/V
1-60

СТРАХОВАНІЯ

ПО

РУССКОМУ ПРАВУ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ КАНДИДАТА ПРАВЪ

С. Е. Ліона.

Цѣна 50 к.

СП
ГПР

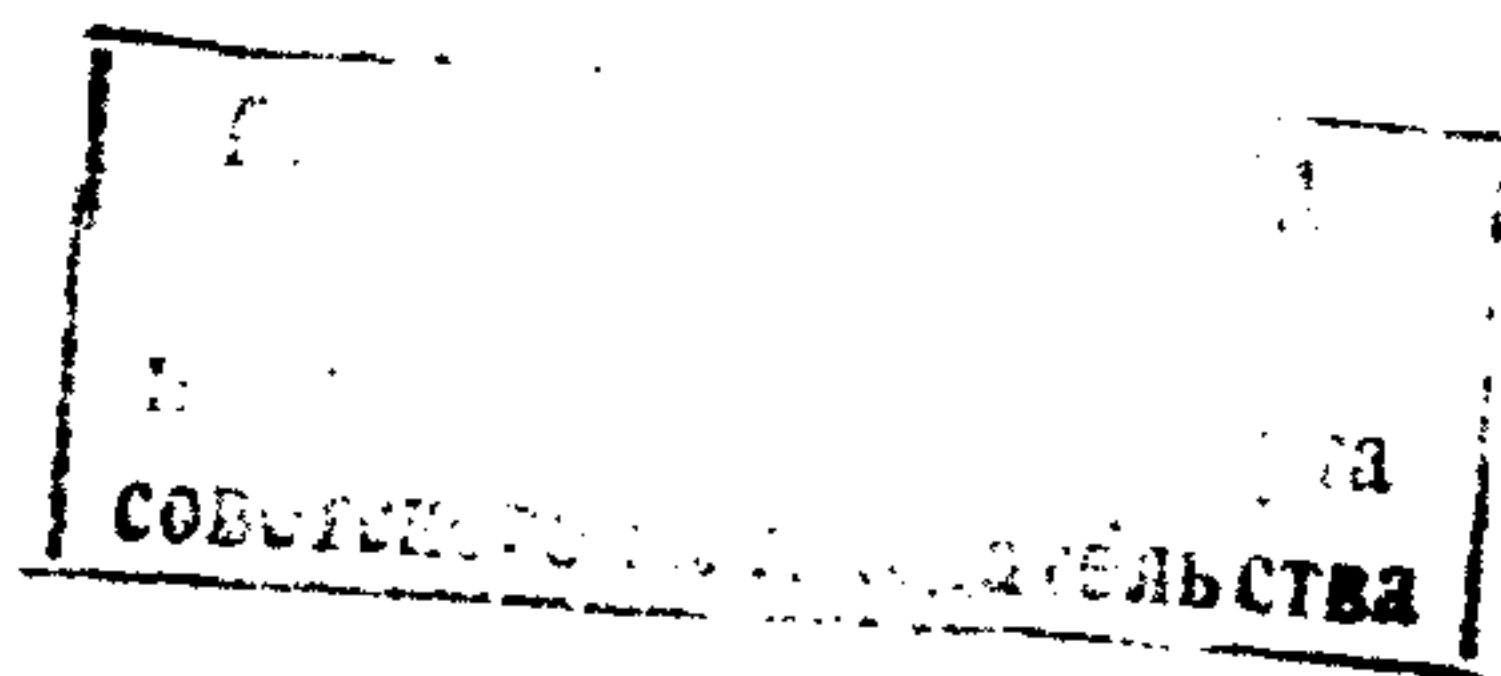
МОСКВА.

Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салт. пер., д. № 9.

1892.

Дозволено цензурою. Москва. Мая, 29 дня 1892 года.

43993

1887-1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Глава I. Сущность страхового договора	1—11
Глава II. Лица, участвующія въ страховомъ договорѣ ..	12—31
Глава III. Предметъ страхового договора	32—49
Глава IV. Цѣль страхового договора.	50—81

ДОГОВОРЪ СТРАХОВАНІЯ

ПО

РУССКОМУ ПРАВУ.

„Юридическая жизнь народа не можетъ обойтись безъ общихъ руководящихъ правилъ, безъ началъ. Иначе движеніе этой жизни представитъ собою какую-то путаницу отрывочныхъ, смутныхъ, неясныхъ понятій; это будетъ жизнь случайностей, жизнь на удачу. Но строгое проведеніе началъ можетъ привести иногда къ слишкомъ рѣзкимъ результатамъ, которые войдутъ въ столкновеніе съ потребностями дѣйствительной жизни. Тогда вмешивается въ дѣло положительное законодательство, которое своими постановленіями старается смячить рѣзкость этихъ результатовъ. Такимъ образомъ, законодательство можетъ видоизмѣнять послѣдствія извѣстныхъ началъ, но оно не можетъ искажать самыя начала подъ страхомъ быть отвергнутымъ жизнію“... (А. Гордонъ: „Представительство въ Гражданскомъ Правѣ“. С.-Петербургъ, 1879 г., стр. 311).

Глава I.

Сущность страхового договора.

Право собственности, составляя одну изъ важнѣйшихъ основъ современнаго общежитія и фундаментъ, на которомъ покоится вся наука Гражданскаго Права,—защищается законодательствами всѣхъ странъ отъ всякаго нарушенія съ чьей-бы то ни было стороны. Цѣлая система мѣръ гражданского и уголовного взысканія готова отразить всякое посягательство, прямое или косвенное, на чужую собственность. Благодаря этому, а также господству строгой законности въ современныхъ обществахъ, собственность является вполне огражденной отъ тѣхъ опасностей, которыми можетъ ей угрожать злая воля третьихъ лицъ,—будетъ ли эта воля выражаться въ неправдѣ гражданской или уголовной. Говоря словами нашего закона,— „всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя-бы сіе дѣяніе или упущеніе и не составляли ни преступленія, ни проступка“ ¹⁾. Но само собою разумѣется, что постороннее лицо, неся отвѣтственность за всякую свою *вину*,—будетъ-ли то вина умышленная, или неосторожная,—не можетъ отвѣчать и не отвѣчаетъ за послѣдствія дѣяній *случайныхъ*, такъ какъ въ случайныхъ дѣяніяхъ нѣтъ вины: случайнымъ дѣяніемъ и называется такое, въ которомъ лицо, совершившее его, не только не предвидѣло, но и *не могло* предвидѣть послѣдствій своего дѣянія ²⁾. Къ случайному дѣянію приравнивается, въ смыслѣ безотвѣтственности автора его, дѣяніе, совершенное подъ вліяніемъ непреодолимой силы, или необходимой обороны,—и, вообще, въ одномъ изъ состояній законнаго невмѣненія ³⁾.

1) Т. X, ч. 1, ст. 684.

2) Т. X, ч. 1, ст. 647 и 684; Улож. о наказ. ст. 93.

3) Мейеръ, „Русское Гражданское Право“, Москва, 1873 г., стр. 173.

Такимъ образомъ, собственникъ, понесъ ущербъ отъ случайнаго дѣянiя, не можетъ требовать возмѣщенiя этихъ убытковъ отъ невольнаго виновника ихъ и, слѣдовательно, долженъ самъ нести всю ихъ тяжесть. То-же самое нужно сказать и о томъ случаѣ, когда убытки собственника являются дѣйствиємъ не людскихъ рукъ, а стихійныхъ силъ природы: огня, бури, землетрясенiя, града и т. п.: слѣпая стихiя, конечно, безотвѣтственна ¹⁾).

Таковъ смыслъ, весьма важнаго въ Гражданскомъ Правѣ, принципа: *Casum sentit dominus*,—принципа, столь логически вытекающаго изъ самой природы вещей и изъ существа права собственности, и столь мѣтко формулированнаго римскимъ генiемъ.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что всякій собственникъ, пользуясь всѣми выгодами и плодами своей собственности, въ то-же время несетъ на себѣ тяжесть риска отъ случайныхъ ущербовъ и потерь, могущихъ постигнуть объектъ его права собственности. Эта тяжесть есть *неизбѣжное* слѣдствiе права собственности: рискъ неразрывно связанъ съ правомъ собственности,—столь-же неразрывно, какъ обратная сторона медали съ лицевой. Какъ же уйти отъ этого риска? какъ снять съ себя эту страшную тяжесть?—таковъ естественный вопросъ собственника, котораго прихоть слѣпаго случая можетъ, однимъ ударомъ, превратить изъ богача въ нищаго. Мы видѣли, что никто *не обязанъ* вознаграждать собственника за убытки случайныхъ потерь: но, спрашивается, не согласится-ли кто-либо *добровольно* взять на себя ту тяжесть риска, которая лежитъ на собственникѣ?

Экономическая возможность такой передачи риска кроется въ самой природѣ *случая*. Случаемъ называется такое событiе, котораго никакой умъ человѣческiй не въ состоянiи предвидѣть ²⁾). Но опытъ показываетъ, что, какъ ни произволенъ случай, ко-

¹⁾ „Quae fortuitis casibus accidunt, cum praevideri non potuerint, ... nullo bonae fidei iudicio praestantur“. C. IV. 24, de pign. act.

²⁾ „Fortuitus casus—quod nullum humanum consilium providere potest“. C. Z. 6 de pign. act.

личество случайныхъ событій даннаго рода (напр. пожаровъ) въ данной странѣ колеблется изъ года въ годъ около известной средней цифры, то превосходя, то не достигая ея. Въ виду этого, опираясь на статистическій опытъ и на теорію вѣроятностей, мы всегда можемъ приблизительно предвидѣть какъ количество предстоящихъ, *по всей вѣроятности*, въ данномъ году несчастныхъ случаевъ даннаго рода, такъ и сумму тѣхъ убытковъ, которые будутъ ими причинены. Такимъ образомъ, событіе, которое въ разрозненномъ видѣ является неподчиненнымъ никакимъ законамъ, пріобрѣтаетъ, будучи повторяемо на большомъ пространствѣ и въ большой массѣ, известную устойчивость,—теряетъ, въ значительной мѣрѣ, характеръ случайности. Благодаря этому, является возможность, заключивъ договоры съ достаточно-значительнымъ количествомъ собственниковъ за известное вознагражденіе, взять на себя возмѣщеніе тѣхъ потерь, которыя, судя по опыту, должны, по всей вѣроятности, пасть на ихъ имущества отъ даннаго опредѣленнаго несчастія въ данномъ году. Если, напр., статистическій опытъ говоритъ, что въ данной странѣ на 100 домовъ ежегодно бываетъ, среднимъ числомъ, 2 пожара на сумму 8 тысячъ рублей, то представляется полная возможность, взявъ съ cadaго домовладѣльца, скажемъ, 100 руб., принять на себя предъ всѣми 100 домовладѣльцами обязательство возмѣстить за всѣ потери, которыя можетъ причинить ихъ домамъ пожаръ въ данномъ году,—имѣя при этомъ вѣроятность получить отъ этой операціи 2 тысячи руб. чистой прибыли; при чемъ, съ другой стороны, каждый домовладѣлецъ, плата 100 руб., гарантируетъ себя отъ риска потерять 4 тысячи рублей ¹⁾. Если, затѣмъ, соб-

1) Для иллюстраціи этой экономической возможности передачи риска, замѣчу, что за 4-хъ лѣтній періодъ, съ 1883 по 1886 годъ, нашими акціонерными страховыми обществами было собрано страховой преміи 140.928.055 рублей, а уплачено убытковъ страхователямъ 56.981.158 руб.,—слѣд., получено чистаго барыша отъ страховой операціи 83.946.897 рублей. См. О. А. Ноткинъ „Страхованіе имущества по русскому законодательству“, Кіевъ 1888 г., LVI+325, стр. XVIII. Сочиненіе Г. Ноткина есть, какъ видно изъ заявленія

СТВЕННИКЪ ВОЙДЕТЬ СЪ ЭТИМЪ ЛИЦОМЪ ВЪ ЮРИДИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНІЕ СЪ ОЗНАЧЕННОЙ ЦѢЛЮ, ТО ЭТА ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕВРАТИТСЯ ВЪ СОВЕРШИВШІЙСЯ ФАКТЪ: ОЗНАЧЕННОЕ ЛИЦО, ВЪ СИЛУ ДОГОВОРА БУДЕТЪ УЖЕ *юридически обязано* возмѣстить собственника за всякій ущербъ, который падетъ на его собственность вслѣдствіе опредѣленнаго несчастнаго случая.

Такова сущность страховаго договора, таково его логическое и историческое происхожденіе ¹⁾. Говорю: историческое, потому что первоначальнымъ видомъ страхованія, —отечествомъ котораго считается Италія,—было страхованіе морское, а предметомъ его —

автора, переработка его студенческаго труда, удостоеннаго юридическимъ факультетомъ Университета Св. Владиміра золотой медали. Но и безъ такого заявленія читатель легко увидѣлъ-бы, что это сочиненіе писано *студентомъ*, такъ какъ оно отличается слишкомъ крупными недостатками, корень которыхъ кроется въ слабости юридическаго анализа, обнаруживаемой авторомъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто вдаваться въ подробный разборъ этого сочиненія; я приведу лишь, для образчика, тѣ противорѣчивыя опредѣленія, которыя авторъ даетъ страховому договору. Такъ, признавая, на стр. 6, что „*посредствомъ страхованія, имущества, физически разрушаемыя, обращаются въ экономически—неразрушимыя*“ и что „*поэтому объектомъ страховаго договора могутъ быть предметы, способные разрушаться отъ несчастнаго случая*“, —авторъ тутъ-же говоритъ, что возможно „*страхованіе убытковъ на случай несостоятельности должника, т. е. страхованіе интересовъ*“, —какъ будто интересъ можно отнести къ категоріи имуществъ *физически—разрушаемыхъ*! Нѣсколькими строками дальше, авторъ уже прямо говоритъ, что „*матерьяльнымъ (?) предметомъ страхованія служитъ интересъ, связанный съ цѣнностью извѣстнаго имущества; страхуется не то или другое имущественное право, само право (jus pium) страхованію не подлежитъ, такъ какъ оно отъ того или другаго несчастія не уничтожается; страхуется имущество,—обезпечивающее удовлетвореніе такого права,—короче, страхуется, такъ или иначе, опредѣленная сумма*“. И такъ, предметомъ страховаго договора у г. Ноткина является то интересъ, связанный съ цѣнностью имущества, то самое это имущество, то вдругъ опредѣленная денежная сумма! Трудно себѣ представить, какимъ образомъ такая путаница противорѣчивыхъ понятій можетъ вмѣщаться въ головѣ одного человѣка... Тѣмъ не менѣе, сочиненіе г. Ноткина не лишено и нѣкоторыхъ достоинствъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести историческій очеркъ страховаго дѣла въ Россіи и подробное разсмотрѣніе и сопоставленіе всѣхъ уставовъ нашихъ страховыхъ обществъ, какъ акціонерныхъ, такъ и взаимныхъ.

¹⁾ И. Степановъ „Опытъ теоріи страховаго договора“, Казань 1875 г., стр. 9—21.

только *физическія* вещи и, именно, *res fungibiles*. И только нѣсколько столѣтій спустя, не ранѣе XVIII в., страхование было распространено и на *res incorporales*, на всякій имущественный *интересъ*¹⁾.

Опираясь на вышеизложенное, мы можемъ дать слѣдующее опредѣленіе страхового договора:

„Страховой договоръ есть юридическое соглашеніе, въ силу котораго одно лицо обязуется, за извѣстное вознагражденіе, возмѣстить всякую гибель имущества, которая упадетъ, въ теченіе условленнаго срока и вслѣдствіе опредѣленнаго несчастнаго случая, на другое лицо, какъ на *собственника* этого имущества“²⁾.

1) Прекрасно выражена идея страхового договора у проф. Антоновича: „Задача страхованія состоитъ въ томъ, что бы физически—разрушаемое имущество превратить въ экономически—неразрушаемое, сдѣлать неразрушаемою капитальную цѣнность имущества, не смотря на разрушаемость ея физическаго состава.... Такимъ образомъ, чрезъ страхование разрушается часть *доходовъ*, но становится экономически—неразрушаемою капитальная цѣнность.... Представляя собою принципъ охраненія хозяйственныхъ силъ отъ разрушенія, страхование придаетъ необходимую прочность производительной дѣятельности, устраняя ее отъ вліянія слѣпаго случая, каковы напр. пожаръ, наводненіе, градобитіе, падежъ скота отъ эпидемическихъ болѣзней и т. п. *Распредѣляя опасность между многими лицами*, страхование какъ-бы уничтожаетъ ее; несчастіе, изъ всесильнаго и грознаго, превращаетъ въ ничтожное“. А. Я. Антоновичъ. „Курсъ Политической Экономіи. Лекціи, читанныя въ Университетѣ Св. Владиміра“. Кіевъ, 1886 г., стр. 652—653.

2) Степановъ (opus. cit.), при опредѣленіи сущности страхового договора, исходитъ изъ понятія *самострахованія*, т. е. отклоненія послѣдствій несчастія собственными средствами, такъ какъ, говоритъ онъ: „страхованіе есть самостоятельная хозяйственная дѣятельность, выражающаяся въ *сбереженіи, специально предназначенномъ для отклоненія возможнаго разрушенія цѣнностей отъ случайнаго несчастія*“ (стр. 12). Но самъ авторъ тутъ-же прибавляетъ, что „самострахованіе не обезпечиваетъ собственника: гибель вещи является для него невознаградимымъ вредомъ. И вотъ собственникъ прибѣгаетъ къ договору, какъ способу распредѣленія или передачи риска“. Разъ, по собственному сознанію автора, самострахованіе нисколько не обезпечиваетъ собственника отъ послѣдствій несчастнаго случая, то очевидно, что опредѣленіе страхового договора нельзя строить на понятіи самострахованія, ибо результаты самострахованія сводятся къ нулю, а давно уже извѣстно, что изъ ничего ничего и не выйдетъ. Гораздо правильнѣе было-бы, *наоборотъ*

Если мы обратимся, затѣмъ, къ тому опредѣленію страхового договора, которое даетъ наше законодательство, то увидимъ, что оно, въ сущности, совпадаетъ съ нашимъ опредѣленіемъ. Я разумѣю ст. 2199, т. X, ч. 1, которая гласитъ: „страхованіе есть договоръ, въ силу коего составленное для предохраненія отъ *несчастныхъ случаевъ* общество, или частное лицо пріемлетъ на свой страхъ корабль, товаръ, домъ или иное *движимое или недвижимое* имущество за условленную *премію* или плату, обязуясь удовлетворить уронъ, ущербъ или убытокъ отъ предполагаемой опасности произойти могущій“. Это опредѣленіе касается, собственно, договора континентальнаго страхованія; но и морскому страхованію законодатель даетъ такое-же опредѣленіе (ст. 538 и 539 Уст. Торг. т. XI, ч. 2, изд. 1887 г.). Но въ дальнѣйшихъ своихъ постановленіяхъ законодатель, какъ увидимъ ниже, нерѣдко кореннымъ образомъ расходится съ имъ-же самимъ даннымъ опредѣленіемъ ¹⁾.

Я останавлиюсь теперь подробнѣе на сдѣланномъ мною опредѣленіи страхового договора.

1. Сущность страхового договора состоитъ, съ одной стороны, въ *передачѣ*, а съ другой — въ принятіи *риска* по

выводить понятіе самострахованія изъ договора страхованія, такъ какъ само страхованіе практикуется только въ тѣхъ случаяхъ, когда количество подлежащаго страхованію имущества и, слѣдовательно, количество страховой преміи такъ велико, что собственнику выгоднѣе образовать, посредствомъ сбереженія этой страховой преміи, особый фондъ, изъ котораго и погашать убытки отъ случайныхъ потерь. Такъ поступаютъ, напр., многія наши желѣзнодорожныя общества—относительно своихъ зданій и другихъ имуществъ, такъ поступаетъ и наша казна. (Ср. Вицынъ. „Договоръ Морскаго страхованія по Русскому Праву“, С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 9). Что касается другихъ нашихъ писателей по страховому договору, весьма, впрочемъ, малочисленныхъ, то никто изъ нихъ, сколько мнѣ извѣстно, не пытается дать научное обоснованіе своему опредѣленію страхового договора: опредѣленія эти или совершенно произвольны, или, въ лучшемъ случаѣ, дѣлаются „сообразно существующимъ о немъ законо-положеніямъ“, какъ выражается и поступаетъ, напр., Вицынъ (стр. 7). Едва-ли нужно говорить, что подобный пріемъ не выдерживаетъ научной критики.

¹⁾ Ср. Вицынъ, стр. 6—7.

ещи ¹⁾). Изъ этого вытекаетъ, что страховой договоръ есть договоръ: а) *возмездный*, потому-что безвозмездное принятіе риска исключаетъ самое понятіе риска, превращая страховой договоръ въ дареніе, ибо рискъ есть одновременная возможность потери и выгоды ²⁾; б) *двухсторонний* ³⁾, ибо предполагаетъ права и обязанности на каждой изъ сторонъ: страхователь обязанъ платить премію и въ правѣ требовать возмѣщенія ущерба, причиненнаго несчастіемъ застрахованному предмету; а страховщикъ, будучи обязанъ возмѣстить этотъ ущербъ, въ правѣ требовать какъ уплаты условленной преміи, такъ и исполненія другихъ обязанностей, вытекающихъ изъ договора страхования.

2. Страховщикъ отвѣчаетъ за такую гибель имущества, которая произойдетъ вслѣдствіе опредѣленнаго несчастнаго *случая*. Изъ этого, прежде всего, слѣдуетъ, что страховой договоръ принадлежитъ къ категоріи договоровъ *условныхъ*, — ибо обязательство страховщика поставлено подъ условіе наступленія опредѣленнаго несчастія, и именно несчастія случайнаго. Далѣе. То условное событіе, въ зависимость отъ наступленія котораго поставлено обязательство страховщика, должно быть: а) событіемъ *будущимъ* и *возможнымъ*; по этому, недѣйствительно страхование предмета уже погибшаго, хотя-бы обѣ стороны въ моментъ заключенія договора и не знали о его гибели ⁴⁾; б) событіемъ

¹⁾ Вицынъ, стр. 9.

²⁾ Степановъ, стр. 14; Вицынъ, стр. 59.

³⁾ Лицо, отдающее имущество на страхъ, называется *страхователемъ*, а берущее — *страховщикомъ*.

⁴⁾ Степановъ, стр. 86; Contra: Мейеръ, стр. 549; Уст. Торг. ст. 546 п.п. 1 и 2. Германское законодательство сходно, въ этомъ отношеніи, съ нашимъ, ибо признаетъ, что страховой договоръ сохраняетъ полную силу, хотя-бы въ моментъ его заключенія страхуемый предметъ уже не существовалъ, — если только обѣ стороны находились въ добросовѣстномъ невѣдѣніи этого обстоятельства („Auf die gültigkeit des Versicherungsvertrags hat es Keinen Einfluss, dass zur Zeit des Abschlusses desselben die Möglichkeit des Eintritts eines zu ersetzenden Schadens schon ausgeschlossen, oder dass der zu ersetzende Schaden bereits eingetreten ist“. „Allgemeines deutsches Handelsgesetzbuch“, Art. 789). Того-же взгляда придерживаются законодательства фран-

случайнымъ, т. е. такимъ, которое не проистекаетъ отъ людской *вины*, — будь это вина умышленная, или неосторожная, вина самого страхователя, или третьего лица ¹⁾).

3. Страховой договоръ имѣетъ цѣлью *возмѣститъ физическую* гибель имущества; поэтому, страховщикъ отвѣчаетъ только за дѣйствительный вещественный ущербъ въ имуществѣ страхователя. Другими словами: а) страховщикъ отвѣтственъ лишь въ предѣлахъ *дѣйствительной стоимости* погибшаго предмета, — или, употребляя терминологию Римскаго права, только за *lucrum cessans*, но не за *damnum emergens*; принципъ этотъ выражается въ общепризнанномъ наукою и практикой афоризмѣ: страховой договоръ не долженъ служить средствомъ пріобрѣтенія, обогащенія для страхователя ²⁾; б) предметомъ страхового договора можетъ быть только *наличное* имущество, а не права требованія, потому-что потерять можно лишь то, что *дѣйствительно* существуетъ у даннаго лица, т. е. чѣмъ оно обладаетъ на правѣ собственности, а не то, что оно имѣетъ лишь надежду пріобрѣсти въ будущемъ; ибо охраненіе посредствомъ страхового договора правъ требованія превратило бы этотъ договоръ, изъ охранительнаго, въ способъ пріобрѣтенія ³⁾).

4. Страховой договоръ имѣетъ цѣлью снять съ собственника тотъ рискъ, который падаетъ на него въ силу правила: *casum sentit dominus*; а такъ-какъ объектомъ права собственности могутъ быть только физическія вещи, *res corporales*, то и пред-

узское и англійское. См. Voigt: „Das deutsche Seeversicherungs-Recht. Commentar zu Buch 5 Titel 11 des Allgemeinen deutschen Handelsgesetzbuchs und zu den „Allgemeinen Seeversicherungs-Bedingungen von 1867“. Iena, 1887, стр. 78—82.

¹⁾ Степановъ, стр. 97; Уст. Торг. ст. 571 и 572 п. 5; Contra: Мейеръ; стр. 549; Уст. Торг. ст. 539; Уставы всѣхъ нашихъ страховыхъ обществъ; Р. Г. К. Д. 79/157, 83/87 и др.

²⁾ Степановъ, стр. 14; Р. Г. К. Д. 73/1282, 80/7, 80/40, 81/118 и др.

³⁾ Степановъ, стр. 85; Contra: Вишнѣвъ, стр. 23. На этомъ вопросѣ, въ которомъ высказанный мною взглядъ расходится съ господствующимъ въ наукѣ мнѣніемъ, я ниже (въ главѣ III) останавлиюсь подробно.

метомъ страхового договора могутъ быть лишь *физическія вещи*. Это явствуетъ также изъ того, что страховой договоръ не долженъ служить средствомъ пріобрѣтенія, а лишь средствомъ охраненія наличнаго имущества ¹⁾. То-же самое, собственно, говоритъ и ст. 2199 т. X, ч. I, по которой предметомъ страхованія могутъ быть: „корабль, товаръ, домъ или иное *движимое или недвижимое* имущество“, а подъ недвижимымъ, или движимымъ имуществомъ разумѣются, конечно только физическія вещи, а не права требованія ²⁾. Но дальнѣйшія постановленія нашего законодательства, равно-какъ законодательства всѣхъ странъ и господствующее въ наукѣ мнѣніе кореннымъ образомъ расходятся съ только-что сдѣланнымъ мною выводомъ, столь логически вытекающимъ изъ существа страхового договора. Поэтому, я ниже подробно останавлиюсь на этомъ вопросѣ (см. гл. III).

5. Страховщикъ принимаетъ на себя рискъ отъ опредѣленнаго *несчастнаго* случая. Такъ-какъ предметомъ страхового договора могутъ быть только вещи физическія, то подъ „несчастіемъ“ здѣсь нужно разумѣть виѣшнюю разрушительную силу, могущую причинить полную или частичную *физическую* гибель предмета ³⁾. Этимъ страховой договоръ рѣзко отграничивается отъ прочихъ условныхъ договоровъ, въ которыхъ въ роли условія (*conditio* въ техническомъ смыслѣ) является всякій фактъ, съ наступленіемъ (или даже ненаступленіемъ) котораго контрагенты произвольно, искусственно связали для себя извѣстныя, выгодныя или невыгодныя, имущественныя послѣдствія.

¹⁾ Степановъ, стр. 21; Contra: Мейеръ, стр. 549; Вицынъ, стр. 7 и 23.

²⁾ Т. X, ч. I, ст. 384 и 401.

³⁾ Степановъ, стр. 20; Уст. Торг. ст. 539.

Глава II.

Лица, участвующія въ страховомъ договорѣ.

Всякій договоръ, въ томъ числѣ и страховой, есть соглашеніе воли двухъ или нѣсколькихъ лицъ по поводу известнаго предмета, которое порождаетъ право на чужое дѣйствіе, имѣющее имущественный интересъ ¹⁾. Поэтому, страховой договоръ содержитъ въ себѣ слѣдующіе составные элементы: а) лицъ, участвующихъ въ договорѣ,—т. е. контрагентовъ; б) предметъ договора; в) цѣль (или причину) договора, т. е. то чужое дѣйствіе, право на которое порождается договоромъ, и д) согласіе сторонъ.

Въ настоящей главѣ я рассмотрю тѣ вопросы, которые касаются лицъ, участвующихъ въ страховомъ договорѣ, т. е. страхователя и страховщика.

Прежде всего: кто можетъ быть страхователемъ?

Само собою разумѣется, что страхователь долженъ обладать общей правоспособностью, необходимой для вступленія въ договоры вообще ²⁾. Что касается дѣеспособности, то тутъ возникаетъ

¹⁾ Ср. Мейеръ, стр. 382, 387—388.

²⁾ Уст. Торг. ст. 540. Г-нъ Вицынъ, соглашаясь съ тѣмъ, что для права быть страхователемъ требуется лишь общая, а не спеціально-торговая правоспособность, въ то-же время полагаетъ, что „если лицо не торговаго званія застраховываетъ имущество, имѣющее значеніе товара, то страхованіе *недѣйствительно*“; однако-же не потому, что оно заключается лицомъ неторговаго званія, а потому, что *предметъ договора не можетъ принадлежать страхователю*“ (стр. 10). Я считаю этотъ взглядъ рѣшительно-неправильнымъ: товаръ, какъ и всякое движимое имущество, считается собственностью того, кто имъ владѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано; правда, право торговаго званія принадлежитъ лишь лицамъ, уплатившимъ тѣ пошлины и исполнившимъ тѣ требованія, которыя изложены въ „Положеніи о пошлинахъ за право торговли и промысловъ“; но нарушеніе этихъ требованій влечетъ за собой лишь денежный штрафъ (ст. 113 „Положенія“); собственникъ-же товара не перестаетъ, вслѣдствіе этого, быть собственникомъ, а потому можетъ и отдавать его на страхъ.

вопросъ: необходимъ-ли для страхователя возрастъ полного совершеннолѣтія (21 годъ), или-же достаточенъ 17-ти лѣтній возрастъ, предоставляющій право вступать въ управленіе имѣніемъ ¹⁾? По смыслу ст. 220 т. X, ч. 1, несовершеннолѣтній не имѣетъ права дѣлать долги и вступать въ такого рода обязательства, которыя-бы клонились къ *отчужденію* его имущества; но онъ въ правѣ *управлять* своимъ имуществомъ, т. е. совершать всѣ тѣ дѣйствія, которыя необходимы для раціональнаго и правильнаго завѣдыванія имуществомъ: получать отъ кого слѣдуетъ доходы съ этого имущества, продавать продукты хозяйства, нанимать и расчитывать рабочихъ, прислугу, сторожей и т. п. ²⁾. Къ числу подобныхъ дѣйствій, несомнѣнно, относятся всѣ мѣры, направленныя къ охраненію имущества отъ дѣйствія разрушительныхъ силъ природы и, вообще, отъ несчастныхъ случаевъ; поэтому, отдача на страхъ имущества, какъ одна изъ мѣръ управленія онымъ, несомнѣнно входитъ въ кругъ тѣхъ дѣйствій, на которыя имѣетъ право несовершеннолѣтній, достигшій 17-ти лѣтъ ³⁾.

Но, конечно, общей право-и дѣеспособности еще недостаточно для того, чтобы имѣть право быть страхователемъ *даннаго* имущества. Изъ сдѣланнаго мною опредѣленія страхового договора

1) Т. X, ч. 1, ст. 220—222

2) Ср. Р. Г. К. Д. 69/321, 71/838 и др.

3) Степановъ, стр. 44. Справедливость подобнаго заключенія подтверждается еще тѣмъ соображеніемъ, что, по смыслу ст. 220—222 т. X, ч. 1, несовершеннолѣтнему, въ сущности, не воспрещается вступать въ договоры: ему только дается *право*, привиллегія оспаривать тѣ изъ заключенныхъ имъ договоровъ, которые клонятся къ его ущербу, которые налагаютъ на него невыгодныя обязательства. Но въ томъ случаѣ, когда самъ несовершеннолѣтній не оспариваетъ силы заключеннаго имъ договора, послѣдній остается въ силѣ, ибо соконтрагентъ его (совершеннолѣтній) лишенъ права опровергать заключенный имъ договоръ ссылкой на несовершеннолѣтіе другой стороны (Р. Г. К. Д. 71/1037 и др.). Поэтому, заключивъ страховой договоръ, несовершеннолѣтній имѣетъ полное право требовать по оному уплаты стоимости застрахованнаго имущества въ случаѣ его гибели отъ обусловленнаго несчастнаго случая. (Ср. Гордонъ, стр. 297).